

Елена
Архипова

18+

БЫВШИЕ

Я тебя не отпускаю

Елена Архипова

Бывшие. Я тебя не отпускал

«Автор»

2026

Архипова Е.

Бывшие. Я тебя не отпускал / Е. Архипова — «Автор», 2026

Она: Пять лет назад он сказал «это ошибка» — и ушёл из моей жизни. Я собирала себя по кускам и училась жить без него, создавая себе имя и репутацию. Сегодня он сидит во главе стола и решает, получу я контракт своей жизни или нет. Он: Я ушёл от неё, чтобы она осталась жива. Она об этом не знает. Пять лет я строил свои империю ради одного дня, когда смогу вернуться. От автора: Бывшие не бывают бывшими, если один из них не отпустил. Не бывшие. Не чужие. Не отпущенные.

Содержание

Глава 1. Вика	5
Глава 2. Максим	11
Глава 3. Вика	16
Глава 4. Вика. Разбор подписания	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Елена Архипова

БЫВШИЕ. Я тебя не отпускал

Глава 1. Вика

Я ненавижу переговорные со стеклянными стенами.

Не потому, что нервничаю — хотя нервничаю, конечно. А потому, что это профессиональная халтура, за которую кто-то взял деньги. Стекло от пола до потолка, южная сторона, никакой диффузии.

К полудню здесь плюс двадцать девять и эффект аквариума: тебя видно всем, ты не видишь никого. Я бы повесила вертикальные ламели, увела свет вверх, и переговоры перестали бы напоминать допрос.

Я стою и мысленно переделываю чужой офис. Это мой способ не думать о том, что через шесть минут решится, будет у меня следующий год под завязку загружен одним шикарным проектом или нет.

— Виктория Александровна, начинайте, — обратилась ко мне директор по развитию.

Три человека сидят за длинным столом. Женщина слева и есть директор по развитию, Марина Сергеевна. Перед ней лежит планшет, в котором наверняка список кандидатов. У дамы взгляд человека, который сегодня уже видел четверых и посмотрит ещё шестерых.

Мужчина справа листает телефон под столом, думая, что этого не видно. Видно. И не только мне.

Третий, седой, смотрит на меня так, как смотрят на обои: вроде и в поле зрения, а вроде и мимо.

Я щёлкаю кликером. На экране проектора — холл отеля в Сочи, мой прошлогодний проект. Тёплый камень, латунь, подсветка и люстры, которые я правдами и неправдами выцарапывала у подрядчика три недели, потому что он упорно хотел поставить “как у всех”.

— Ключевое, что я хочу показать, — говорю я, — это не картинка. Картинку вам нарисует любой. Ключевое вот здесь.

Щелчок.

— Это вид другого объекта до реновации и после. Плюс двадцать два процента в низкий сезон. Не потому, что стало красиво, а потому, что мы убрали ресепшен от входа и поставили кофейню. Человек, который зашёл погреться, задерживается в среднем на одиннадцать минут. Одиннадцать минут — это триста рублей чека и вероятность, что он вернётся.

Мужчина справа убирает телефон.

Есть контакт.

— Свежо, — говорит Марина Сергеевна, и я слышу в её голосе интонацию, за которой всегда идёт “но”. — Но скажите честно. У вас восемнадцать проектов и ни одной сети. Мы говорим о девяти объектах в пяти городах. Вы не потянете.

Вот. Вот оно. Я знала, что спросят, я готовила ответ два вечера, я оттачивала его перед зеркалом до блеска.

— Не потяну, — соглашаюсь я.

Седой поднимает голову. Впервые за двенадцать минут.

Есть второй контакт.

— В одиночку — не потяну, — продолжаю я. — Поэтому в смете, которую вы получили, заложены два подрядных бюро на авторский надзор, и оба они со мной работают четвертый год. Я не буду сидеть в Екатеринбурге и рисовать розетки. Я буду держать концепцию. Девять отелей — это не девять проектов, это один проект в девяти вариантах.

Все трое кивают, соглашаясь.

— И вот тут, — снова щелчок, — модульная система. Общая ДНК, локальная адаптация. Сочи — море, Казань — камень, Тюмень — дерево. Гость должен узнавать ваш бренд с порога и при этом понимать, в каком он городе.

В переговорной наступает тишина. Хорошая тишина, заинтересованная, я такую знаю.

— Логично, — говорит седой, и в эту секунду открывается дверь.

Я оборачиваюсь просто по инерции, потому что все оборачиваются.

Кликер выскальзывает из моих пальцев и глухо падает на ковролин. Просто раз, и у моей туфли лежит черная пластиковая штука, но я даже не смотрю на нее.

Я смотрю на двери переговорной, в которых появляется Максим Черников.

Пять лет. Я не видела его пять лет.

А теперь он стоит в дверях, и первое, что я отмечаю из-за своей идиотской автоматической профдеформации — это костюм.

Тёмно-серый, шерсть с шёлком, подогнан по фигуре. Такой не покупают. Такой шьют. Задорого.

Второе, что я отмечаю: седина на висках. Её не было.

Третье, и самое интересное: он не удивлён.

— Простите за опоздание, — говорит он спокойно. — Пробки.

Голос ниже, чем я помнила. Или я помнила неправильно. Пять лет — большой срок, память успевает переписать всё, даже голос. Особенно голос.

Марина Сергеевна подскакивает так, что планшет чуть не падает со стола.

— Максим Олегович!

— Решил посмотреть лично.

Он проходит к креслу во главе стола, не торопясь, отодвигает его, садится очень уж по-хозяйски и только после этого смотрит на меня.

Смотри, Максим Олегович. Смотри, сколько хочешь.

Я наклоняюсь, поднимаю кликер, выпрямляюсь. Спина прямая. Так, будто я его уронила, потому что руки скользкие, а не потому, что мир только что дал крен на сорок градусов.

— Виктория Соколова, — представляет меня Марина Сергеевна. — Дизайнер интерьеров, своё бюро. Мы рассматриваем её кандидатуру.

— Вик-то-ри-я, — повторяет он медленно, по слогам, как будто впервые слышит это имя, и оно ему нравится.

Сволочь.

Он встает и протягивает мне руку через стол.

Это неправильно, так не делают. Владелец холдинга не здоровается за руку с подрядчиком на конкурсе. На конкурсе он кивает и садится. Марина Сергеевна моргает, а седой чуть заметно поднимает бровь.

А я смотрю на его ладонь и вспоминаю, как эти пальцы застегивали мне молнию на спине, когда я опаздывала. Как он всегда путался, защемлял ткань и ругался, а я смеялась.

Мой мозг говорит мне: «Не смей! Не надо», а рука протягивается сама. Предательница.

Его ладонь теплая и сухая. Рукопожатие крепкое, короткое, деловое, но ровно на две секунды дольше, чем нужно.

Две секунды. Ничего. Никто за столом не заметит.

Я заметила. Я убираю руку первой.

— Продолжайте, — говорит он, садясь. — На чём вы остановились?

— На модульной системе, — отвечаю я, и мой голос звучит ровно. Я слышу его со стороны и не узнаю, до того он ровный. — Девять объектов, единая ДНК бренда.

— Единая ДНК, — повторяет он. — Интересная формулировка. А что вы делаете, когда заказчик говорит: «Мне не нравится, переделайте»?

— Спрашиваю, что именно ему не нравится.

— А если он не может внятно объяснить?

— Тогда показываю три варианта. Один — то, что он попросил. Второй — то, что я считаю правильным. Третий — компромисс.

— И что он выбирает?

— Как правило третий.

— А вы хотели, чтобы второй, — он не спрашивает, он констатирует.

— Я хотела, чтобы он остался доволен и через год, а не сиюминутно. Это разные вещи, Максим Олегович.

Он долго смотрит на меня, и я вдруг понимаю, что за столом стало очень тихо, и что Марина Сергеевна переводит взгляд с него на меня и обратно.

— Логично, — говорит он наконец. Точно так же, как сказал седой десять минут назад. Точно с той же интонацией.

И я вдруг с ледяной ясностью соображаю: он тоже это слышал. Он стоял за дверью. Не знаю, сколько, но стоял.

Дальше я листаю слайды на автопилоте. Рестораны, квартиры, частный дом в Сысерти, которым я горжусь больше всего. Обычно на этом месте я загораюсь — это мой лучший объект, я про него могу говорить сорок минут, и мне будет мало.

Сегодня я перечисляю квадратные метры, потому что он не смотрит на экран, он смотрит на меня.

И пока я говорю про инсоляцию и зонирование, где-то на заднем плане, отдельным окном, память услужливо открывает не тот файл.

Февраль. Пять лет назад. Моя однушка на Сортировке, где вместо рабочего стола стоит кухонный, и я сижу за ним с ноутбуком по ночам, а он приходит в одиннадцать и говорит: “Опять?”

У нас дата — полгода вместе. Я сделала пасту с креветками, потому что он их любил. А он приволок белые розы, целую охапку, двадцать пять штук, в феврале, — потому что я однажды обмолвилась, что люблю белые.

Мы ели, сидя на полу, потому что стол был занят ноутбуком, и он сказал: “Вика, слушай. Ты вообще понимаешь, что со мной сделала?”

Я спросила: “Что?”

Он ответил: “Сам не знаю. Но теперь без тебя не могу”.

А через одиннадцать дней он стоял в дверях в куртке, не разуваясь, и говорил:

— Это ошибка. Нам не по пути. Не звони мне.

И ушёл.

Я не звонила. Я держалась за гордость, за обиду и за край ванны, когда рыдала под душем, потому что больше держаться было не за что.

Первые три недели я ждала, потом ждать стало бесполезно. Потом стало пусто в груди, потому что там поселилась дыра.

А те розы, кстати, стояли три недели. Белые вообще живучие.

— Впечатляюще, — говорит Максим, ледяным тоном, возвращая меня в реальность. — Спасибо, Виктория. Мы с вами свяжемся.

Всё. Я закрываю ноутбук, отсоединяю кабель, сматываю его аккуратно, чтобы занять руки, — это хорошо, когда руки заняты. Киваю Марине Сергеевне, говорю что-то вежливое седому и иду к двери.

“Не оборачивайся. Не оборачивайся. Не оборачивайся!”

Пять шагов. Три. Ручка двери под моей ладонью.

— Виктория, — слышу его голос и оборачиваюсь.

Он стоит у окна, руки в карманах брюк, пиджак расстегнут, демонстрируя всем шикарную сорочку и плоский, без намека на живот, корпус.

— Вы отлично выглядите, — говорит он.

И это не комплимент. Это шуп. Он проверяет, что осталось: обломки, пепел или несущие конструкции.

— Спасибо, — отвечаю я и выхожу из переговорной.

До лифта ровно двадцать два шага. Я знаю, потому что считаю их, чтобы не сорваться на бег.

В холле перед лифтами пусто. Я останавливаюсь, упираюсь лбом в холодную стену возле лифта и стою так несколько секунд.

Потом выпрямляюсь, и в зеркале лифтовой двери на меня смотрит женщина в тёмно-синем костюме. Волосы собраны в аккуратную причёску. Помада на месте, губы плотно сжаты, взгляд холодный.

Совершенно нормальная, собранная взрослая женщина тридцати двух лет, у которой своё бюро, восемнадцать проектов и ни одного долга.

— Ты справилась, — говорю я ей.

Она молчит, у неё дергается веко, и в этот момент телефон вибрирует в кармане пиджака входящими сообщениями.

На экране высвечивается имя моей подруги.

Ленка: “НУ???”

Ленка: “Вик?”

Ленка: “Вика, я тут сижу на совещании и умираю!”

Ленка: “ВИКА!!!”

Я печатаю: “Пока не знаю”.

И это правда. К тому же я и правда не знаю, чего хочу больше — чтобы взяли или чтобы нет.

Не помню, как добираюсь до дома.

Вхожу в квартиру и первым делом снимаю туфли и ставлю их ровно, носками к стене. Потом иду на кухню и достаю из шкафа бутылку вина, которую мне подарил заказчик полтора года назад со словами: “Откроете, когда будет повод”.

Повода нет, но есть подходящее настроение. Тоже сойдёт.

Моя квартира — это студия в сорок два метра, которые я обставляла сама, по миллиметру. Светлые стены, на полу светлый дуб, на окнах плотные шторы в цвет столешницы на кухне. На подоконнике три горшка с цветами, которые непонятно как выжили.

Здесь всё моё. Здесь даже Ленка знает, что зелёную кружку брать нельзя.

Максим здесь никогда не был. Максим вообще не знает, что у меня есть эта квартира. Не знает, что я три года выплачивала первый взнос. Не знает, как я пахала сутками, чтобы его отдать.

Он ничего про меня не знает.

— И не узнает, — говорю я вслух и делаю глоток вина.

В замке поворачивается ключ. Ленка! У неё есть ключи от моей квартиры. Я сама их дала три года назад, в минуту слабости, и с тех пор иногда об этом жалею. Как, например, сейчас.

— Соколова, — говорит она с порога, — у тебя лицо человека, которому отказали в кредите и заодно сообщили, что кот умер.

Она скидывает лодочки, лезет на полку за своими тапками — да, у неё тут тапки, потому что ходить дома в уличной обуви это варварство, а босиком в марте это ангина, и плюхается рядом со мной на диван. Забирает бокал и делает большой глоток.

— Лен, это моё вино.

— Вик, не занудствуй! Рассказывай.

— Там был он.

— Кто “он”?

— Максим.

Ленка медленно наклоняется к журнальному столику и так же медленно опускает бокал на его стеклянную поверхность. Делает это очень аккуратно. Как сапёр.

— Твой Максим? — уточняет. — Черников? Тот самый Черников?

— Он не мой.

— Вик.

— Он не мой, — повторяю я. — Но да, тот самый.

Ленка откидывается на спинку, запрокидывает голову и произносит в потолок фразу, которую я здесь приводить не буду, потому что она юрист, и потому что я её уважаю.

— Так, — говорит она, садясь прямо. — Излагай по порядку. Что он там делал?

— Он владелец. «Аквилон» — его холдинг. Он сидел во главе стола и слушал, как я рассказываю про инсоляцию.

— Та-а-ак. И?

— И протянул мне руку.

— В смысле?

— В прямом. Поздоровался за руку. Со мной. На конкурсе.

Ленка морщится.

— Вик, это, вообще-то, не принято.

— Я в курсе, что не принято.

— Нет, ты не поняла! — она подбирается. — Я на таких сидела сто раз. Владелец не здоровается с подрядчиком за руку, потому что это сразу задает личный формат. Он этим показывает всем в комнате, что ты не в равных ролях с остальными претендентами. Он что, тебя обозначил?

Я молчу. Мне это в голову не приходило. И теперь, когда Ленка это сказала, лучше не стало.

— Ладно, — Ленка кивает. — Плохие новости: он тебя не забыл. Хорошие новости: ты его тоже. Отвратительные новости: ты сейчас начнёшь мне доказывать, что забыла.

— Я его забыла.

— Ага, — она смотрит на часы, — четыре секунды. Медленно, Соколова, я ставила на две.

Я смеюсь, получается хрипло.

— Лен, я не возьму этот проект.

— Почему?

— Потому что это девять отелей, это год плотной работы, это значит — видеть его регулярно.

— Это значит, — спокойно возражает Ленка, — федеральный уровень, портфолио, которое тебе откроет всё, и деньги, которых ты за три года не заработала. — Она поворачивается ко мне и подводит итог: — Вик, ты не злишься. Ты боишься.

— Спасибо, а то я была не в курсе!

— Тогда слушай сюда. Если они позвонят — ты пришлешь мне их договор. До подписания! Не после! Ты меня поняла?

— Лен...

— Виктория Александровна, — говорит она тем голосом, которым, я подозреваю, разговаривает со своими контрагентами, и после которого те обычно соглашаются. — Такие холдинги пишут договоры на сто двадцать страниц. И на сто восьмой там всегда лежит что-нибудь весёлое. Пришли мне его, Вик, я посмотрю за вечер.

— Хорошо, — сдаюсь я.

— Не “хорошо”, а пообещай!

— Обещаю.

— Вот! Так-то лучше! — она снова забирает бокал. — А потом я приду с вином и с битой.

— У тебя нет биты.

— У меня есть клюшка племянника и очень плохое настроение. Работает так же.

Я смеюсь — подруга всегда умела меня рассмешить. И в этот момент звонит мой телефон, а на экране высвечивается незнакомый номер.

Мы обе смотрим на экран, и Ленка кивает:

— Бери.

Я послушно снимаю трубку:

— Да?

— Виктория Александровна? — женский голос, сухой и абсолютно безэмоциональный, как у робота. — Холдинг “Аквилон”. Поздравляем, ваша заявка одобрена. Договор готов к подписанию, ждём вас завтра в десять.

Я молчу.

— Виктория Александровна, вы слышите?

— Да, — говорю я. — Слышу. Буду.

Я кладу трубку и смотрю на Ленку.

— Ну?!

— Взяли.

— Господи! Вик, это же... — она осекается, потому что смотрит на моё лицо. — Вик, — говорит она уже другим тоном. — Ты чего?

А я думаю о том, что конкурс шёл третий день, и по регламенту финальное решение должны были объявить через неделю. Через неделю! Не сегодня!

Я стояла там сегодня в одиннадцать сорок. Сейчас — двадцать минут восьмого. Они посмотрели ещё нескольких за семь часов и приняли решение?

Или не смотрели, и тогда выходит, что решение было принято до того, как я вошла в эту переговорную.

— Ничего, — говорю я. — Всё отлично.

И тянусь за бутылкой.

Глава 2. Максим

Список кандидатов мне принесли двадцать первого февраля.

Двенадцать бюро, шорт-лист, сводная таблица, всё как положено. Марина Сергеевна отработала честно — отобрала по объёму, по срокам, по цене. Строка номер семь: «Соколова В. А., ИП, Екатеринбург, 18 реализованных объектов».

Я сидел и смотрел на эту строку минут десять. Потом вызвал Марину Сергеевну и сказал, что конкурс буду смотреть лично.

Она удивилась. У меня девять объектов в пяти городах и триста сорок человек в штате, я не смотрю конкурсы на дизайн. Я смотрю финмодели.

— Хорошо, Максим Олегович, — сказала она. — Назначить на конец марта?

— Назначайте.

Три недели.

Я не считал часы. Я взрослый мужик, мне сорок один, я не подросток, который зачеркивает в календаре дни до свидания.

Я просто знал, сколько часов осталось. В любое время суток знал, даже проснувшись ночью.

В день конкурса я приехал за сорок минут до начала. Поднялся на свой этаж, зашёл в кабинет, снял пальто, выпил кофе, постоял у окна, глядя на город внизу. Потом спустился обратно на седьмой и встал в коридоре у переговорной.

Стеклянная стена там с плёнкой — снаружи ничего не видно, только силуэты. Зато слышно.

Я стоял и слушал её голос.

Она говорила про загрузку в низкий сезон и про одиннадцать минут. Я не понимал половины — не моя специальность, у меня для этого есть специалисты, — но я слышал, как она ускоряется на третьем предложении.

Она всегда так делала, когда нервничала: разгонялась, а потом ловила себя и брала паузу на вдох.

Пять лет назад она так защищала диплом. Так говорила мне: “Я тебя люблю” — первый раз, скороговоркой, на кухне, стоя спиной ко мне, у плиты, чтобы я не видел её лица.

И тут Марина Сергеевна задала ей вопрос про сеть.

“Вы не потянете”.

Я стоял за дверью и сжал кулаки. Потому что я знал этот вопрос, я сам его в скрипт и вписал, чтобы проверить всех кандидатов на вменяемость.

И я точно знал, что сейчас будет: она начнёт оправдываться. Она всегда оправдывалась. Она была самым талантливым человеком из всех, кого я встречал, и извинялась за то, что берёт деньги за работу. Но она неожиданно сказала:

— Не потяну.

Я на секунду перестал дышать. Че-го??

А потом она разложила им всё по полочкам за полторы минуты, спокойно и по делу. И Аркадий Львович, человек, который за двадцать лет в отрасли не похвалил вслух вообще никого, сказал, одобряя: “Логично”.

Я стоял в коридоре с идиотским выражением на лице и думал: “Господи, кем же ты без меня стала, Вика?”

И вот на этой мысли я открыл дверь.

Она стояла у экрана.

Тёмно-синий костюм, волосы собраны в строгую причёску, а на губах яркая помада, которую она называла “боевой раскраской” и красила ею губы перед каждой встречей, где надо было держать лицо.

Значит, до сих пор боится презентаций, значит, что-то осталось от неё, от прежней.

Она посмотрела на меня и уронила кликер.

Больше ничего — ни вскрика, ни белого лица, ни закушенной губы. Просто маленькая черная железка упала на ковролин.

Я соврал что-то про пробки, Марина Сергеевна подскочила, я её остановил, сел и только тогда позволил себе посмотреть на Вику прямо.

Она не отвела глаза, ни на секунду. Стояла, смотрела в ответ, и в этом взгляде не было ни испуга, ни мольбы — ничего из того, к чему я себя готовил. Была холодная, ровная, взрослая ярость.

“Хорошо, — подумал я. — Господи, как же хорошо”.

— Виктория Соколова, — сказала Марина Сергеевна. — Мы рассматриваем её кандидатуру.

— Виктория, — повторил я и протянул ей руку.

Я знал, что делаю. Я тридцать секунд назад сам себе запретил это делать. Аркадий Львович поднял бровь, Марина Сергеевна моргнула, потому что я на глазах у трех своих сотрудников поставил подрядчика в личную рамку, и мне было всё равно.

Пять лет я не имел права к ней прикоснуться.

Я хотел вернуть себе хотя бы полторы секунды.

Она смотрела на мою ладонь, я видел, как у неё дернулись пальцы, видел и то, как она сжала их. Видел, как она решает.

Я ждал. Я мог ждать сколько угодно, у меня в этом большая практика. Она вложила свою руку в мою.

Узкая, прохладная ладонь. Мозоль на среднем пальце от карандаша — та же, на том же месте. Пять лет, а мозоль та же.

Она забрала руку сама — быстро, как из огня.

Правильно, так и надо. Пусть забирает, пусть у неё будет ощущение, что решает она. Она ведь и правда решает, просто пока не знает, в какой момент.

Дальше она говорила про модульность и инсоляцию, а я задал ей три вопроса, которые были нужны не мне, а ей — чтобы она успела собраться, и чтобы в комнате не осталось ощущения сцены.

И на третьем она меня укусила.

“Я хотела, чтобы он остался доволен и через год, а не сиюминутно. Это разные вещи, Максим Олегович”.

Тишину в комнате можно было черпать ложками. Марина Сергеевна очень внимательно изучала свой планшет.

— Логично, — сказал я.

Это было моей ошибкой, я понял это по её лицу — секундное, почти незаметное осознание. Она услышала, что я повторил слово Аркадия Львовича.

Она поняла, что я стоял за дверью и всё слышал.

Умная. Всегда была слишком умной.

Я сказал, что мы ей перезвоним, и в полном молчании она собралась и дошла до двери.

И я всё-таки открыл рот:

— Виктория.

Она обернулась.

Я собирался сказать: я должен с тобой поговорить.

Я собирался сказать: не завтра, не через неделю, сейчас.

Я собирался сказать: прости.

Но вместо этого выговорил:

— Вы отлично выглядите.

Твою ж мать! Мне сорок один год, у меня холдинг, триста сорок человек в подчинении, пять лет подготовки и... “Вы отлично выглядите”. Я только что поставил рекорд по тупости.

Вика вышла, и в переговорной стало тихо.

— Максим Олегович, — осторожно начала Марина Сергеевна, — у нас ещё восемь кандидатов, двое сегодня после обеда...

— Отмените.

— Простите?

— Отмените всех. Готовьте договор с Соколовой.

Аркадий Львович смотрел в стол. Марина Сергеевна смотрела на меня, и я видел, как она выбирает между “промолчать и согласиться со мной” и “сделать свою работу качественно и возразить”.

Она выбрала работу, поэтому она и сидит в этом кресле.

— Максим Олегович, но мы не досмотрели шорт-лист. Если возникнут вопросы у совета директоров...

— Если возникнут — я отвечу.

— У “Броневого и партнёры” сорок объектов, — продолжила Марина ровно. — У Соколовой всего восемнадцать, и ни одной сети. Формально это лучший кандидат?

— Нет.

— Тогда...

— Она — тот кандидат, который через год будет делать наши отели узнаваемыми, — сказал я. — А “Броневой” нарисует нам девять “Хилтонов”. Готовьте договор, Марина Сергеевна.

Я встал и вышел, пока она не задала следующий вопрос. Потому что следующий вопрос был бы: “Вы знакомы с ней лично?”.

И я бы соврал, а потом бы это всё равно выплыло наружу.

В коридоре было пусто. Я подошёл к окну и посмотрел вниз. Мне повезло — я увидел, как она вышла из здания. Дошла до перехода, остановилась, постояла и вдруг наклонила голову, прижала ладонь ко лбу, всего на секунду, не больше, и тут же выпрямилась.

Вот тогда меня и накрыло.

Я стоял на седьмом этаже собственного офиса и держался рукой за раму, как старик.

Телефон я достал уже машинально и набрал брата.

— Слушаю, — Игорь ответил после третьего гудка, сухо. Значит, занят. Значит, у него клиент. Ничего, переживет.

— Она была здесь.

Брат помолчал, потом я услышал, как он кому-то сказал:

— Секунду.

Шорох, потом хлопнула дверь, значит, он вышел в коридор.

— Ну?

— Я отдаю ей проект. Всю сеть.

— Угу.

— “Угу” и всё?

— Да, всё, — голос у него стал такой, каким он объясняет клиентам, что срок обжалования истек позавчера. — Макс, я задам один вопрос, а ты на него честно ответь. Хотя бы себе. Ты это делаешь, чтобы она была рядом — или чтобы она была у тебя?

— Не начинай.

— Я не начинаю, я заканчиваю. Пять лет назад ты решил за неё, что ей лучше без тебя. Ты не спросил. Ты просто пришел, поставил перед фактом и ушёл.

— У меня не было выбора.

— У тебя был выбор сказать правду.

— Правда её убила бы, — сказал я. — Буквально, Игорь, не метафорически. Ты помнишь, что было двенадцатого февраля?

Он замолчал, потому что он помнил. Он был там.

Двенадцатого февраля пять лет назад Валерий Аркадьевич Крымов сидел напротив меня в ресторане на Малышева, ел стейк и рассказывал, какая у меня перспективная девушка.

Какое у неё милое бюро, какой хороший район — Сортировка, только вот подъезд без консьержа, надо бы поставить, а то ходят всякие.

А потом положил на стол телефон экраном вверх.

Там была фотография. Вика выходит из подъезда, в синем пальто, с коробкой под мышкой. Снято сверху, с противоположного дома. Судя по дате, фото было сделано двумя днями ранее.

— Хорошая девочка, — сказал Крымов, — правильная. Береги ее.

И улыбнулся улыбкой крокодила.

На следующий день я стоял в её прихожей, не разуваясь, и говорил, что это ошибка. Потому что он поставил мне условие: либо я ухожу и уезжаю из страны один, либо пострадает Вика.

— Помню, — сказал Игорь. — И всё равно спрошу ещё раз. Ты собираешься ей рассказать?

— Да.

— Когда?

Я смотрел вниз. Вика села в такси, серая «Шкода» мигнула поворотником и ушла в поток.

— Когда она сможет это выдержать.

— То есть опять ты решаешь за неё, — уточнил Игорь. — Что ей можно выдержать, а что нельзя. Слушай, брат, ты пять лет сносил Крымова. Молодец, серьёзно.

— Это ты к чему?

— К тому, что ты только что купил человеку победу в конкурсе и назвал это вторым шансом.

Я открыл рот и не нашёл, что ответить.

— Она узнает, Макс, — сказал Игорь уже мягче. — Такие вещи всегда узнаются. Вопрос только в том, от тебя или от кого-то другого. И вот от этого зависит всё.

— Я скажу сам.

— Ага, — сказал мой брат. — Как в прошлый раз. Извини, но меня ждут.

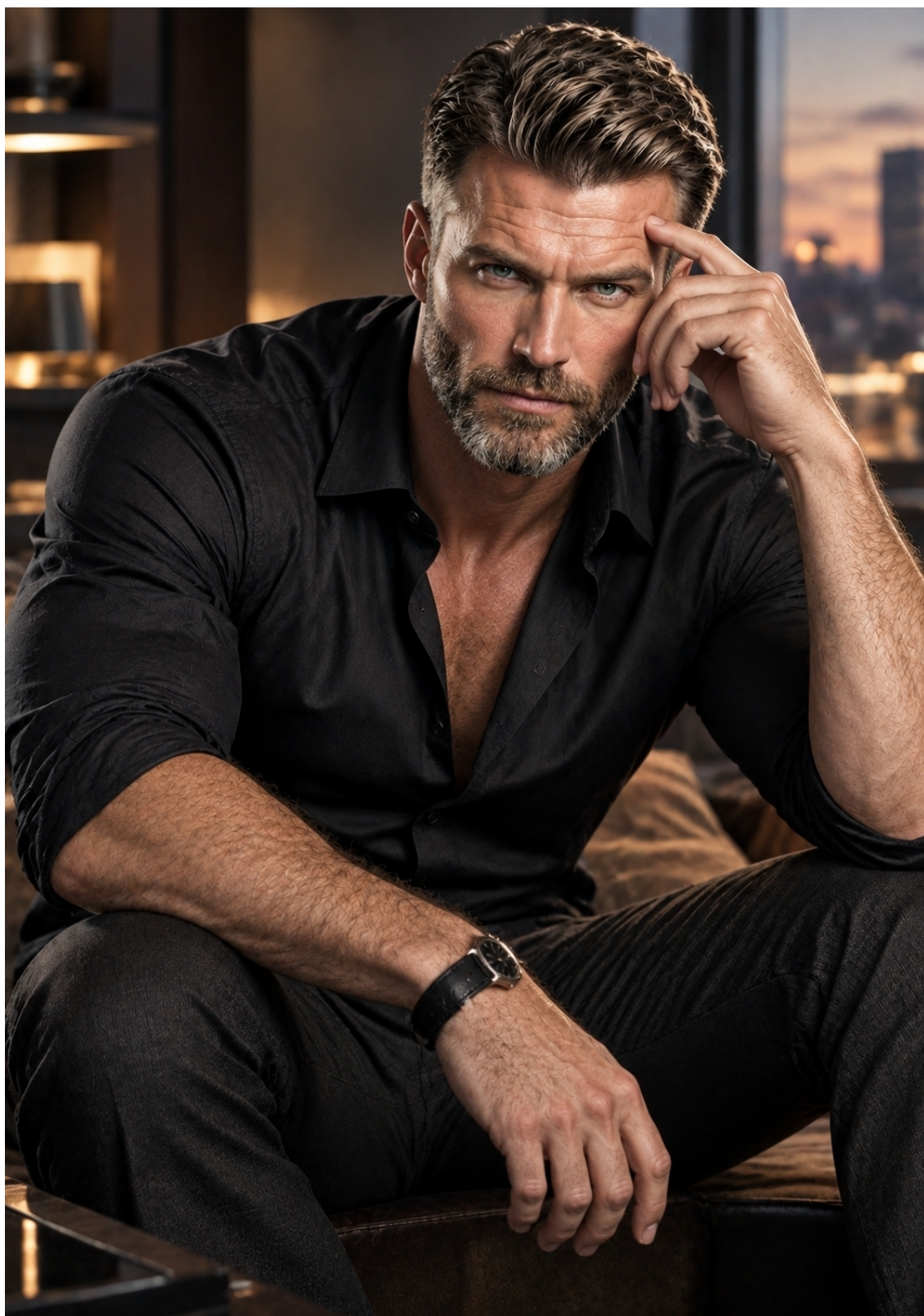
Игорь отключился, а я так и стоял у окна.

Внизу шли люди, ехали машины, город жил своей жизнью.

Я достал телефон и открыл фотографию, которую не удалял пять лет. Вика на набережной в Сочи, ветер закинул ей волосы на лицо, она придерживает их рукой и смеётся.

Я убрал телефон и пошёл к лифту. Договор она подпишет, я в этом не сомневался.

Я не знал другого — что делать, когда она дочитает его до сто восьмой страницы.

Глава 3. Вика

Я не сплю.

Ложусь в одиннадцать, честно закрываю глаза, честно считаю дыхание, и в половине второго сдаюсь, включаю ночник и сажусь в кровати с телефоном.

Забиваю в поиск Черников Максим Олегович.

И не потому что мне интересно, а потому, что мне надо знать, с кем я завтра подписываю договор. Это профессиональная необходимость.

Я взрослая женщина, и я провожу должную осмотрительность, а не занимаюсь посреди ночи тем, чем я занимаюсь.

Интернет тут же выдаёт: Аквилон, холдинг, девять действующих объектов, четыре стройки. Интервью в отраслевом издании, где он говорит короткими предложениями и явно ненавидит происходящее.

Фотография с какого-то форума: серый костюм, взгляд мимо камеры.

Пять лет назад у него была фирма Черников и Ко, четырнадцать человек в штате, офис на Радищева и постоянная проблема с кассовым разрывом.

Я помню, как он ночью сидел на моей кухне с калькулятором и говорил: Вик, если в марте не будет платежей, я пойду работать по найму, и это будет позор.

Платежи в марте были.

Потом он ушёл.

Я листаю дальше. Между Черников и Ко и Аквилоном — четыре года пустоты. Ни одной публикации, ни одного упоминания. Как будто человека стерли ластиком, а потом дорисовали заново, только крупнее, мощнее и злее.

Где он был все эти годы? Чем занимался?

Я закрываю телефон, падаю на подушку и говорю в темноту:

— Это не твоё дело, Соколова.

Сон так и не пришел, поэтому в четверть шестого я встаю и иду в душ — дальше лежать не было смысла.

Сегодня я выбираю темно-бордовый костюм. Я надеваю его, когда нужно, чтобы меня воспринимали всерьёз те люди, которые по умолчанию не воспринимают всерьёз женщину тридцати двух лет с ИП вместо ООО.

Костюм мне велик в плечах на полразмера, потому что я покупала его в тот год, когда весила на шесть килограммов больше. Но мне он так нравится даже больше.

Сегодня я убираю волосы в низкий хвост. Помада приглушённая, а не боевая, боевая была вчера, а сегодня я иду не воевать, а ставить подпись. В зеркале на меня смотрит собранная, спокойная, уверенная в себе женщина.

Она врёт себе и всему миру.

— Поздно отступать, — сообщаю я ей и выхожу из квартиры.

Я выехала слишком рано, но дольше находиться в квартире я не могла. Внутри сжалась пружина, рискуя выстрелить в самый неподходящий момент, в итоге к бизнес-центру Аквилона я приезжаю в начале девятого.

У меня ещё почти целый час до назначенного времени. Я сижу в кофейне напротив, беру американо и круассан, круассан не ем — есть у меня такая особенность, когда нервничаю, есть не хочется.

Сижу, пью кофе и смотрю на стеклянные двери центра напротив и ловлю себя на том, что жду, когда выйдет Черников.

Он не выходит.

Вообще-то, объективно, из центра никто не выходит, все только входят. Видимо Черников уже тоже прошел внутрь.

В девять пятьдесят я расплачиваюсь, перехожу дорогу и вхожу в здание.

На ресепшн мне выдают пропуск, а на седьмом этаже меня уже встречает женщина лет пятидесяти в безупречном брючном костюме, в крупных стильных очках и с планшетом в руках. И почему-то я уверена в том, что она в этом здании знает всё, включая то, кто ворует капсулы из кофемашины.

— Виктория Александровна, — она не спрашивает, она и так знает, кто я, представляется: — Я Алла Юрьевна, помощник Максима Олеговича. Прошу за мной.

Она разворачивается и двигается прямо по коридору, я иду следом и смотрю по сторонам.

Ничего не могу с собой поделаться, я дизайнер, и это уже диагноз. Я всегда читаю помещение, как другие читают лица.

Дорого. Итальянский светильник в зоне ожидания — я знаю его цену, я на него однажды облизывалась для проекта и заказчик не потянул.

В отделке помещения шпон, стекло, металл. Всё выверено, всё по линейке и всё совершенно мертвое.

Ни одного личного предмета, ни одной ошибки, ни одного места, где человек захотел бы сесть просто так, без дела. Даже растение в холле — и то из тех, что не растут, а стоят: фикус лирата, идеальный, протертый от пыли, похожий на муляж самого себя.

Именно так выглядит пространство, в котором никто не живёт. Только функционируют.

Впрочем, о чем это я? Они и не живут здесь.

Господи, — думаю я. — Он всё-таки это сделал. Он построил себе офис, в котором нельзя случайно почувствовать что-нибудь лишнее.

— Входите пожалуйста, — Алла Юрьевна открывает передо мной дверь и делает жест рукой в сторону длинного стола, — располагайтесь.

Это переговорная. Длинный стол, а на столе лежат две стопки бумаг. Толстые.

— Максим Олегович просил передать, что не сможет присутствовать, — говорит Алла Юрьевна ровным голосом автоинформатора. — Со стороны заказчика договор подписан.

Вот так.

Что-то внутри меня делает маленький неприятный поворот. Не боль. Так, царапина. Он не пришёл.

Вчера он через весь стол тянул мне руку на глазах у трёх своих сотрудников, а сегодня прислал женщину с планшетом.

Отлично, — говорю я себе. — Так и надо. Это работа. Бизнес, ничего личного.

Внутренний голос отвечает: Угу.

Я сажусь, придвигаю к себе стопку первую стопку и мои глаза едва не выпадают из орбит — сто восемнадцать страниц.

— Мне потребуется время, — говорю я. — Я хотела бы отправить копию своему юристу.

Алла Юрьевна чуть заметно поджимает губы.

— К сожалению, вынос или пересылка копии до подписания невозможны. Вы подписывали соглашение о конфиденциальности при подаче заявки, пункт четыре.

Подписывала. Вместе с ещё девятью бумажками, которые прислали пакетом, и я честно их прочитала, но месяц назад и по диагонали.

— Тогда я почитаю здесь.

— Конечно, — она демонстративно смотрит на часы, — только имейте в виду: в двенадцать у Марины Сергеевны встреча со вторым кандидатом по резервному списку. Если мы не успеем оформить, договор уйдёт в работу по резерву. Это стандартная процедура.

Я поднимаю на неё глаза. Она смотрит спокойно, ничего личного, ничего угрожающего. Просто информирует.

Два часа, сто восемнадцать страниц, написанных юридическим языком.

Это невозможно прочесть за два часа, не имея специальных навыков и знаний, она это знает, и я это знаю, и мы обе делаем вид, что это нормальная деловая практика.

— Принести вам кофе или может быть чай?

— Нет, спасибо

— Хорошо, — отвечают мне сухо и Алла Юрьевна выходит. Дверь за ней закрывается мягко, как в дорогой машине.

А я честно читаю.

Первые двадцать страниц — предмет договора, определения, Стороны договорились понимать под термином... Я иду быстро, выцепляя цифры.

Сумма контракта. Я знала, сколько это будет стоить, но взгляд всё равно останавливается на ней. Это больше, чем я заработала за три года. Всё бюро, все восемнадцать проектов, вместе взятые.

С такими деньгами я... закрываю ипотеку, нанимаю второго дизайнера, беру, наконец, нормального визуализатора, а не Костю, который делает шикарно, но раз в две недели уходит в запой и не берёт трубку.

С такими деньгами я, наконец, перестану считать. Я никогда в жизни не переставала считать. Не могла себе этого позволить.

Страница тридцать восьмая. Этапы, сроки. Девять объектов, концепт-дизайн по каждому, авторский надзор. Сроки плотные, но реальные.

Страница шестьдесят первая. Порядок приёмки. Тут написано, что заказчик вправе направить замечания в течение десяти рабочих дней, количество итераций не ограничено.

Не ограничено. Ну спасибо. Это значит, что теоретически меня можно гонять по кругу до пенсии.

Я делаю пометку карандашом на полях.

Страница семьдесят четвёртая, восемьдесят вторая, девяносто.

Часы на стене переговорной показывают одиннадцать двадцать.

Я начинаю листать быстрее. Взгляд цепляется за заголовки: Конфиденциальность, Форс-мажор, Порядок разрешения споров.

Одиннадцать сорок.

И где-то на этом месте, и я вижу это очень отчетливо, как со стороны, я перестаю читать и начинаю делать вид, что читаю.

Потому что я уже всё решила.

На самом деле, я решила еще вчера вечером, когда положила трубку. Я это знала сегодня в пять утра под душем, и час назад, в кофейне, когда сидела и ждала, что он выйдет, тоже знала.

Всё остальное — это ритуал. Женщина в дорогом костюме листает бумагу, чтобы потом честно сказать себе: я читала.

Одиннадцать пятьдесят одна.

Я долиствываю до последней страницы. Реквизиты. Подписи. Его подпись. Размашистая, резкая, с длинным хвостом у в. Я помню эту подпись, он всегда так расписывался. Я смотрю на неё дольше, чем нужно, потом беру ручку и замираю.

Не потому что сомневаюсь, а потому что понимаю: после этой подписи он снова будет в моей жизни. Официально. С печатью и по контракту. Регулярно.

Ничего. Я справлюсь. Я справлялась и не с таким.

Расписываюсь. Ровно, чётко, ни одного дрогнувшего штриха. Дверь открывается ровно в тот момент, когда я поставила подпись и в переговорную входит Алла Юрьевна. Она что, за стеклом стояла?

— Поздравляю, — говорит тем же ровным голосом. — Добро пожаловать в проект. Второй — это ваш экземпляр. Техническое задание и график придут на почту до конца дня. Завтра в девять — установочная встреча.

— Завтра в девять?

— Максим Олегович распорядился.

Ну конечно. Я иду к лифту с папкой под мышкой, в которой лежит договор.

Спина прямая, подбородок поднят, каблук не подворачивается. Пара человек оглядывается на меня, на мой бордовый костюм — он тут как флаг на сером поле.

Смотрите. Смотрите, пожалуйста, мне не жалко.

Лифт. Холл. Турникет. Охранник забирает пропуск и прощается.

Я толкаю стеклянную дверь на улицу и вдыхаю свежий воздух, который пахнет мокрым асфальтом и чуть-чуть бензином, и шепчу себе под нос:

— Всё, Вик, выдыхай. Ты ушла целой.

И в этот момент я вижу его.

Он стоит у чёрной машины метрах в двадцати, спиной к зданию, с телефоном у уха.

Я замираю на верхней ступеньке.

Он медленно поворачивает голову в мою сторону, словно почувствовал мой взгляд.

И смотрит.

Не кивает. Не улыбается. Не делает шага. Просто смотрит — и взгляд у него как стекло в переговорной на седьмом этаже, откуда я только что вышла — такой же прозрачный, гладкий и за ним точно также ничего не видно.

Одна секунда, две, три...

Я отворачиваюсь первой и иду к такси на противоположной стороне дороги. Иду ровно, спокойно, не оглядываясь.

А то, что в глазах щиплет, так это ничего не значит, это просто ветер. Здесь, кажется, всегда ветер.

Когда я уже сижу в такси, мой телефон вибрирует входящим сообщением, на экране высвечивается незнакомый номер: С подписанием, Виктория. Завтра в девять. Не опаздывай. М.

Я перечитываю три раза. Не Виктория Александровна, не ждём вас, не будьте добры подойти.

Не опаздывай и на ты.

Пять лет ни слова, потом здравствуйте, приятно познакомиться при свидетелях, а когда мы одни и между нами телефонный экран, он вот так. Да правда, что ли?

Я сижу на заднем сиденье такси, смотрю на его сообщение и чувствую, как внутри — там, где у меня пять лет стояла аккуратная ровная стенка, — что-то тихо щёлкает. Не рушится, а просто щёлкает, как будто открыли защелку.

Я убираю телефон в сумку.

Достаю обратно.

Перечитываю ещё раз — четвёртый, и это уже совсем никуда не годится, потому что я взрослая женщина, у меня своё бюро и восемнадцать проектов, а я сижу в такси и разбираю по буквам несколько слов, как будто в них зашифровано что-то, кроме времени встречи.

Не опаздывай.

Водитель спрашивает, куда поворачивать, и я говорю адрес, и только тогда понимаю, что назвала не свой.

Я назвала улицу, где у него пять лет назад был офис.

— Извините, — говорю я и называю, наконец верный.

Глава 4. Вика. Разбор подписания

Мой телефон звонит, когда я уже почти доехала до дома, на этот раз подруга.

— Ну?! — орёт Ленка в трубку. — Подписала?

— Подписала.

— Господи, наконец-то. — подруга шумно выдыхает. — Стоп. Вик.

— Что?

— Ты мне не прислала договор.

Я молчу, собираясь с духом, чтобы сказать.

— Виктория Александровна, — давит моя зануда.

— Лен, мне не дали его вынести. Там пункт четыре, копирование и пересылка до подписания запрещены.

— А позвонить мне и сказать об этом?

— И что бы ты сделала?

— Приехала бы, — говорит Ленка абсолютно серьёзно. — Я работаю в десяти минутах от их офиса, Соколова. Я бы села рядом с тобой и прочитала! Бесплатно, как подруга, как человек, который ровно этим зарабатывает на жизнь.

Я закрываю глаза.

— У меня было всего два часа времени на его прочтение.

— Что?

— Мне сказали, что в двенадцать договор уходит второму кандидату из резерва.

В трубке становится подозрительно тихо, как перед грозой.

— Та-а-ак, — тянет Ленка уже другим голосом. — Это называется “понууждение к спешке”. Это классика. Что ты подписала?

— Я прочитала до девяностой страницы.

— А там сто?

— Сто восемнадцать.

Ленка произносит короткое слово из разряда ненормативной лексики.

— Значит, так, буду у тебя в семь. Вино и закуски за твой счёт.

Я вздыхаю и соглашаюсь, как будто у меня был выбор, честное слово!

В семь она приходит с ноутбуком, с маркерами и пачкой стикеров трёх цветов. Раздевается, лезет за тапками, садится за мой рабочий стол и говорит:

— Так, не дыши мне тут над душой. Иди лучше сделай мне чай.

Я делаю чай, я мою плиту, которую мыть не надо, протираю столешницу, переставляю фикус — свой, живой, кривой, со сломанным листом, — на сорок сантиметров левее и потом возвращаю обратно.

Ленка читает. Она читает уже час десять. Молча. Только шуршат стикеры: жёлтый, жёлтый, жёлтый, розовый, розовый, розовый.

Розовые я не люблю. Я догадываюсь, что этот розовый у неё значит.

— Ну? — не выдерживаю я в конце концов.

— Сядь, — кивает на диван.

Я послушно сажусь.

— Начнём с приятного, — говорит Ленка. — Договор хороший.

— Правда?

— Да. Он написан очень профессионально. Просто он написан не для тебя.

Она разворачивает ко мне ноутбук, где у неё уже готова табличка. Ну конечно! Кто бы сомневался! Ленка, и без таблички?

И подруга зачитывает:

— Пункт договора семь-четыре, страница девяносто шесть. Исключительность. Ты на двадцать четыре месяца не имеешь права выполнять работы в сегменте гостиничной недвижимости для третьих лиц. Ни одного отеля, ни одного апарт-комплекса, ни одного хостела. Ничего.

— Двадцать четыре? Проект же на двенадцать.

— Да. Двенадцать работаешь, двенадцать сидишь.

— Это законно?

— Спорно, но взыскивать будут исправно, если нарушишь, поверь! — на полях розовый стикер. — Дальше. Пункт девять-два, страница сто восемь. Расторжение по инициативе исполнителя. Неустойка — тридцать процентов от суммы договора.

Я считаю в уме, потом считаю ещё раз.

— Лен, это же четыре с половиной миллиона, — выдыхаю ошарашенно.

— Четыре шестьсот восемьдесят, если быть точной, — она смотрит на меня поверх ноутбука. — Вик, ты не можешь уйти из этого проекта. Юридически — можешь, финансово — нет.

— А если он расторгнет?

— А вот это самое интересное, — листывает до жёлтого стикера и переворачивает. — Заказчик вправе расторгнуть в одностороннем порядке с уведомлением за тридцать дней. Без неустойки, с оплатой фактически выполненных этапов.

— То есть он может уйти в любой момент, а я нет.

— Да.

— Это нормально?

— Это абсолютно нормально для крупного холдинга и мелкого подрядчика, — говорит Ленка со вздохом. — Такие договоры пишут не для того, чтобы кого-то обмануть. Их пишут, чтобы подрядчик не спрыгнул посреди стройки. Юрист, который это составлял, просто хорошо делал свою работу.

— Но? Есть ведь оно, я права?

— Но, — она откидывается на спинку, — есть ещё пункт девять-один. Авторские права на концепцию переходят заказчику в полном объёме с момента оплаты этапа. Включая право переработки без согласования с автором и право не указывать твоё имя.

Я медленно ставлю кружку на стол.

— Лен, ты понимаешь, что это значит?

— Что ты делаешь девять отелей, он платит, а потом может убрать твою фамилию отовсюду, переделать всё, как хочет, и ты слова не скажешь. И в портфолио это можно будет поставить только с его письменного разрешения. Пункт девять-три.

Я смотрю в стену. Год работы, федеральный уровень, портфолио, которое откроет мне всё. И которое может не открыть мне ничего. Совсем.

— Хорошая новость, — говорит Ленка. — Это всё правится допсоглашением. Я тебе за три дня напишу протокол разногласий, ты его отдашь, они половину не примут, но половину примут, потому что вторая половина им ничего не стоит. Это рутина, Вик. Не делай такое лицо.

— А плохая какая?

— Плохая — что ты подписала без этого. Теперь ты просишь, а не договариваешься. Разница огромная.

Я молчу, Ленка закрывает ноутбук и не встаёт из-за стола.

— Что? — спрашиваю я.

— Вик, — она смотрит на меня очень странно, — ты видела последнюю страницу договора.

— Видела.

Подруга смотрит на меня и молчит несколько секунд.

— Лен, ты меня пугаешь.

— Посмотри на дату под его подписью.

Я смотрю.

Девятнадцатое.

Я смотрю ещё раз, потом поднимаю на подругу глаза:

— Лен, сегодня двадцать пятое.

— Да.

— Конкурс был вчера. Двадцать четвёртого.

— Да.

Мы обе молчим и слышим, как в зоне кухни капает кран, который я третий месяц собираюсь починить.

— Может, ошибка? — спрашиваю я с глупой надеждой. — Опечатка, секретарь поставила не ту дату. Ну знаешь, как бывает.

— Может, — соглашается Ленка. — Только вот тут, на последней странице договора, после реквизитов, стоит дата. Видимо, секретарь, когда распечатывала, не посмотрела и убрать забыла.

Она пододвигает лист.

Девятнадцатое. И ещё на сорок второй, и на семьдесят первой. Везде одна и та же дата.

Договор с моим именем, моими реквизитами, моим ИНН был готов и подписан за пять дней до того, как я вошла в ту переговорную.

Меня не выбрали, меня назначили.

— Вик, — тихо зовет Ленка. — Вик, смотри на меня.

Я смотрю.

— Скажи мне одну вещь, — говорит она. — Ты вчера говорила, что он опоздал на двадцать минут и сказал «пробки».

— Да.

— А там пробки были? В одиннадцать сорок в среду, на Куйбышева?

Я молчу, потому что я ехала туда в одиннадцать. И дорога была пустая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.